

нет «ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека», — произведение, во многом перекликающееся с рассказом «Александрии» о рахманах.²²⁹ Ефросин же поместил, взяв его «от летописца», известное послание новгородского архиепископа Василия Калики епископу тверскому Феодору, где говорится о поныне существующем «на востоце» рае — «а место непроходимо есть человеком, а вокруг его рахмане живут».²³⁰

Но широкое использование и популяризация Ефросином «Александрии» важны не только в связи с теми конкретными ассоциациями, которые мог вызывать у него сюжет этой повести. «Александрия» — памятник, чрезвычайно важный и в чисто литературном отношении. Говоря о специфических особенностях древнерусской литературы, исследователи часто отмечают недостаточное развитие на Руси чисто беллетристических жанров. Положение это верно, но оно нуждается в определенных ограничениях. Феодально-религиозная идеология, осуждавшая «неполезные повести», тормозила развитие светской литературы, однако уже в XV в. на Руси появился ряд оригинальных повестей беллетристического или полубеллетристического характера. Влияние переводной «Александрии» на появление этих повестей несомненно: «Александрия», и именно сербская «Александрия», была ведь типичным средневековым романом, близким к западным рыцарским романам того времени.²³¹

В сборниках Ефросина помещены и два крупных памятника оригинальной русской светской литературы того времени — «Задонщина» и «Повесть о Дракуле». Нам нет необходимости характеризовать здесь эти два хорошо известных произведения; ограничимся только указанием на близость их к интересам Ефросина. В «Задонщине» Ефросина, несомненно, привлекал ее народно-поэтический характер, идущий еще от ее великого прототипа — «Слова о полку Игореве». Уже И. И. Срезневский, познакомившийся с текстом «Задонщины» в КБ-9 сразу же после открытия его Варлаамом, отметил, что искажения текста в этом списке (как и в другом, ранее известном списке XVII в.) таковы, что заставляют предполагать переписывание не с книги или тетради, а по памяти; он пришел к выводу, что «Задонщина» распространялась как былина или сказка — устным путем.²³² Вывод И. И. Срезневского принял и В. Ф. Ржига, исследовавший «Задонщину» по трем новым спискам, неизвестным И. И. Срезневскому.²³³ Предположение об использовании Ефросином при написании «Задонщины» устных источников вполне согласуется с тем, что мы знаем об этом книгописце, сохранившем в своих сборниках такие явно устные памятники, как загадки-притчи, «Слово о хмеле» и др. Тема борьбы с татарским игом была особенно близка Ефросину — мы уже знаем его хронологические записи на эту тему, знаем, что даже библейского Самсона он заставил драться с татарами. Библиографические наклонности Ефросина побудили его сблизить «Задонщину» с близкими ей по характеру

²²⁹ КБ-11, лл. 198—204. Этот список издан в книге: А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1884, стр. 251—254. Ср.: М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском дарстве. — ИпоРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 369.

²³⁰ КБ-22, лл. 238—243; ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 87—89.

²³¹ Именно на сербской «Александрии» строил первую часть своего исследования по истории европейского романа А. Н. Веселовский (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, СПб., 1886, стр. 129—511).

²³² И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Андреевича. — Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности, т. VI, СПб., 1858, столб. 339—341.

²³³ Повести о Куликовской битве. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 398—400. Ср. рецензию В. П. Адриановой-Перетц: ИОЛЯ, т. XIX, вып. 2, М., 1960, стр. 156—158.